

Одноглазый правдолюб оберштурм-банфюрер Ай-сман сказал о Штирлице Мюллеру: «Я был с ним... и видел его под бомбами: он высечен из кремня и стали». Практически теми же словами и я могу выразиться в адрес Александра Ивановича Кальянова (он же — Кальян Иванович, просто Кальян, но для кого и Калыаша) — известного деда и престижного звукорежиссера. Правда, до бомб дело у нас не дошло. Зато довелось наблюдать К. на неистовом поединке самых отчаянных российских стриптизерок. Всю ночь — пять часов кряду — они вертели перед певцом аппетитными попками, а он — хоть бы хны! Сразу видно, из чего выкован человек (далее по тексту Ю. Семенова «17 мгновений весны»). Если кому мало одного доказательства, то вот и другое. Я пришел к нему с водкой: родная, в посуде «ноль-восемь», слеза. «Убери, — замахал он руками, словно крыльями черная птица, — к чертовой матери, пожалуйста!» И предложил свою альтернативу — пакет кефира: густого, свежего, ровно литр в картонке, омытой слезами холодильного конденсата. Выпили, называется. Кефир развязал языки, которые сами того, может быть, не особо желая с утра, неожиданно бойко заговорили к обеду.

Где мы?

— Ну и где мы? — спросил я после первого же стакана белого, как лицо Анастасии Вертинской, напиток.

— В Раменках-5. Дом культуры «Высотник». Старенький, сталинский — скромный. 70 процентов отечественных звезд начинали отсюда.

— А вы с чего начинали?

— Пошли к Лужкову (он тогда еще не был мэром). Алла Пугачева, Виктор Романов и я. Вот, говорим, очень желаем открыть кооператив для музыкальной записи артистов эстрады. «Тон Сервис» — звучит! Пусть еще что-нибудь будет в стране, кроме фирмы «Мелодия»...

— Лужков обрадовался?

— Призадумался, но... согласился. Первыми записались «Наутилус-Помпилиус». У них крутые слова, еще более смысл, но — проехали. Десять лет минуло с тех пор.

— Представляю, сколько кефира с той поры утекло!

— Не столько, конечно, кефира... Но главное в другом. Есть на земле места, где человек себя чувствует плохо. А у нас наоборот. Дух хороший. Это все отмечают. Редкое для Москвы местечко.

— Вы здесь и родились?

— Нет, я брянский волк. Волчара!.. Из крошечного райцентра Унече. 15 лет проживаю в Москве, но москвичом себя не считаю. Как практически все приличные музыканты и звезды. Москвичей среди них два-три человека. Как Россия сильна провинцией, так и наша культура.

Расстановка сил

— Я — Дева. Это надо понять. У меня с гороскопами все совпадает. Родился в 1947-м. Мать родила в деревне, там было сытнее. Звали ее Александрой Герасимовичей, царствие ей небесное... Преподавала в школе русский язык и литературу. Читать меня научила в пять лет.

— А отец чему учил?

— Иван Ефимович был директором школы и преподавал химию. Только я больше физикой увлекался.

— Отец не рассердился за то, что двинули не по его стопам?

— Было немного. У меня уникальный отец. Две войны от звонка до звонка проба-

рабил, с немцами и японцами, до Берлина и Тихого океана дошел. Ни единой царапины! Однажды бомба свалилась ему едва не на голову. Всех вокруг поубивало, а ему лишь контузия. Отец заговоренным был. Мама постаралась. Она кареокан... Из дворян. Могла предугадывать судьбу, хотя и была членом партии. Ее все цыганки боялись.

— Вас мама тоже заговорила?

— Видимо. У меня, например, нет заклятых врагов. И

винтовка. В болоте нашли танк, да не сумели вытянуть. В драке настоящее оружие не применяли. Даже ножи из карманов выбрасывали. Честными были. И прежде всего перед собой.

— За свою честность приходилось страдать?

— Многие сели в тюрьму. Тогда ведь свидетелей не убрали... Меня Бог миловал. К 15—16 годам почти все мои друзья оказались на зоне. Потом возвращались. Просветили и меня о тех нравах.

уличных сражений на вашем теле имеются?

— Ничего особенного. Вот королева однажды серьезно лягнула — в спину.

— С ней-то за что сражались?

— За молоко. Есть захотелось, решил подоить. Взялся за это дело сухими руками. Не знал, что соски для начала надо теплой водичкой обмыть, да маслицем тоже неплохо. Скотина ласку любит, а я сразу за сиськи...

— У меня две сестры и два брата. Старший, Борис, физиком был. К великому горю — умер...

Свой со своими

— Красивая фамилия Кальянов — сценический псевдоним?

— Родная. Под ней и помру.

— Когда как. Иногда просто надо сильно напиться. Что-бы все гадкое, что накопилось во мне перед записью, обернулось призраком и растворилось. Расслабишь душу, сразу легче. Начинаешь жить как бы с нуля. Тысячу раз прав писатель Гоголь: человек, который не пьет, либо хворый, либо подлюка!..

— Но если, испив свою бочку до дна, лютую «пивцу» окончательно опротивело спиртное? За что же его подлюкой?

— Значит — хворый. После бочки-то... какой же?

— Значит, пьете не только кефир?

— Водку люблю. Самую обыкновенную, русскую. Пугачева мне говорит: «Саш, пей, пока пьется!» Она для меня самый желанный собутыльник. Даже с мужичками выпивать не так интересно, как с Аллой Борисовичей. Разговоры говорим, душу раскрываем. Но ведь и работали, как волы.

— Знаете норму?

— 0,8 водки, случалось, принимал с утра, и нормально. Но запой не по мне. Можно денек погулять в хорошей компании. Но на другой день, с утра, отойти непременно.

— Как же отходите?

— С утра ударяю по последнему шашлыку, запиваю рюмкой и — все. За дело. Я никогда не похмеляюсь. Похмелье — первый признак зависимости. Я этого не терплю. Ни от водки, ни от какого-либо самого расчудесного человека.

— Вы совершали поступки, о которых бы всю жизнь жалели?

— Есть кое-что. Когда-то я метко стрелял из рогатки. Но по птицам старался не целить. Исключение — наглые воробьи. Не терплю наглцов.

— Понятно.

— Воробей для меня не птица. Синица, ласточка — это да. Но однажды я выстрелил наугад и попал в ласточку. Она только свила гнездо под

крышей нашего дома, что всегда считалось доброй приметой... Ласточка умерла на моих руках. А через два года умерла мама. Обе эти смерти я связываю. Мне было 8 лет.

— Больше никого в своей жизни не убивали? Как же охота?

— Рыбальить могу. А вот стреляю с тех пор только по макушкам елок.

Благие намерения

— В вашей семье кто-нибудь пел?

— Вертинский, Магомаев... Звучали песни Пахмутовой: «Путь и далекий, и долгий, и нельзя повернуть нам назад...» Замечательные песни хранились на старых пластинках. Не ровня тем, что поются сейчас. Я в этом просто уверен. Хотя и сам живу среди тех, кто их создает и поет.

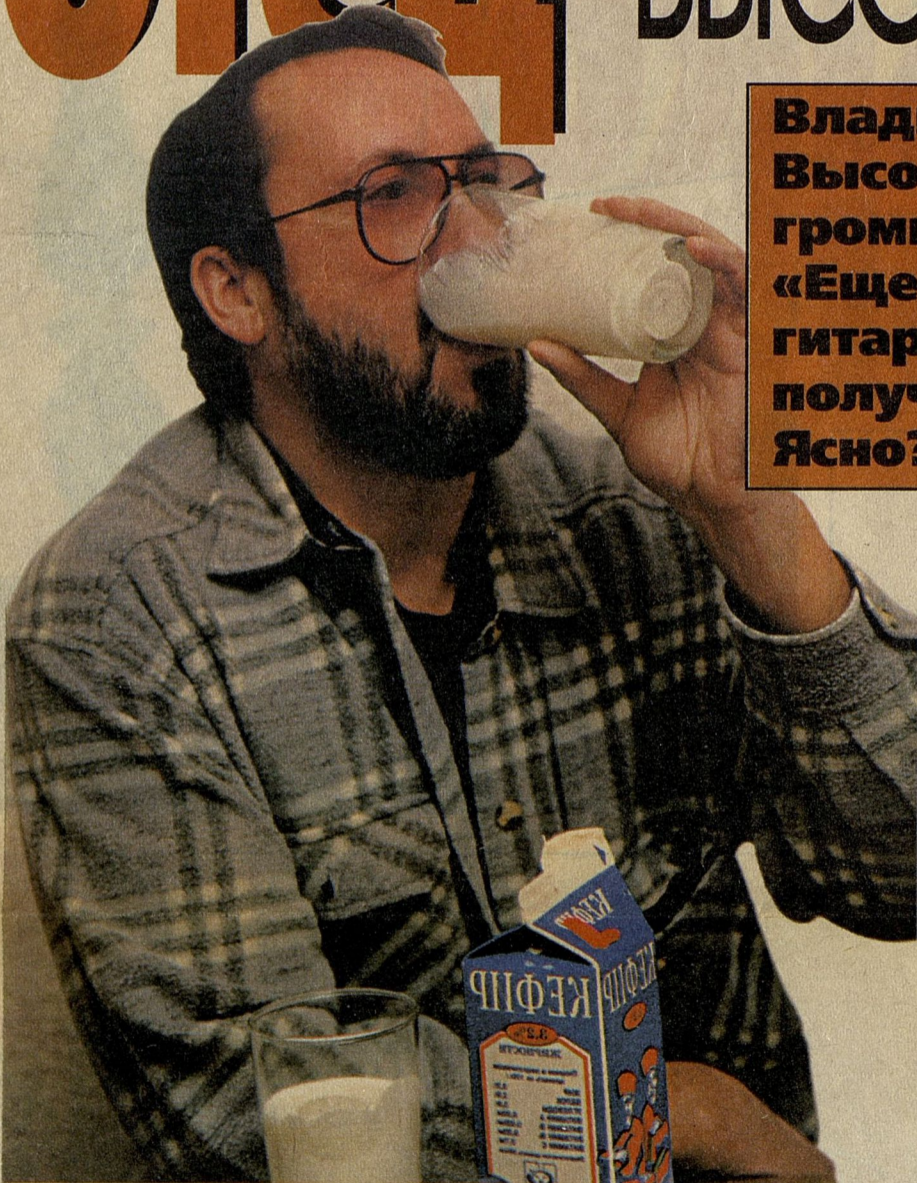
— Да и сами поете... Как же дошли до жизни такой?

— В 1971 году закончил Таганрогский радиотехнический институт и вернулся в Брянск инженером. Завод полупроводников, «почтовый ящик». Там с группой отличных товарищей увлекся разработками электромускульной аппаратуры.

— Удалось что-нибудь изобрести?

— Мы пустили на поток музцентр «Электроника». Он до сих пор звучит в домах культуры, ресторанах да и на профсцене. Но Америку не открывали. Тогда это дело секретным считалось, но вам скажу: мы достали классный фирменный пульт, разобрали до винтиков и... повторили. Только на отечественных радиодеталях.

АЛЕКСАНДР КАЛЪЯНОВ: МОЙ КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ — ВЫСОЦКИЙ

Владимир Высоцкий со сцены громко сказал: «Еще кто мою гитарку подстроит, получит по морде. Ясно?»

— Уж больно необычная для «брянского волка».

— У меня своя версия. Папин прапрапрадед воевал с турками. Возможно, с Суворовым брал Измаил. Угодил в плен. А когда выбрался с чужбины, притащил в деревню калыан. Сидел себе на завалинке, потягивал да байки травил. Диву было! Прозвали далекого предка Кальяном — а кем же еще? Самое главное, для чего калыан нужен — как я понял, — это чтобы курильщикам анаши горло не обжигало.

Случай был один, впечатляющий. В Узбекистане, на гастролях, мы жили вместе с Сашей Барыкиным. Анаша там афганская: зеленая, крепкая. На базаре стаканам, вроде семечек, продавали. Жарила, конечно. Сели в номере да как курнули!.. Саша говорит: пойду-ка на свежий воздух, прогуляюсь. И — в окно. У нас 15-й этаж. Он туда уже склонился, когда мне удалось подхватить его за ремень.

— Хорошо погуляли.

— Бывает. Но у меня есть тормоза. От наркотики — я понял это давно — лучше подальше держаться. Если, разумеется, жить охота.

— А говорят, творческому человеку без расслабухи — ни в кайф. Ничего не получится?

— Творческий человек расслабиться обязан. Хочется сбросить все, «полетать». Будь то водка, анаша или что-то еще — без допинга не ощутить сегодня свободу. Я, например, перед тем, как писать, люблю коньячку хлебнуть...

— Капельку?

никогда не было.

— Какой же тогда вы волчара? Пай-мальчик из педагогической семьи.

— Родители воспитывали чужих детей. А меня улица. Родная Коммунистическая... Мы воевали. Отстаивали права на свою улицу и своих девчонок. Драки случались жестокими: с кастетами и дубьем.

— Но огнестрельным оружием — вижу — не воевали.

— Хотя у каждого того добра имелось навалом. Только у меня: несколько пистолетов разных систем, автоматы — любые, мелкокалиберная

— Лучше — хуже они наших, свободных? Как считаете?

— Считаю, что зона расставляет людей по тем полочкам, которую каждый из нас заслуживает.

— Из нас?

— А чего зарекаться?

— Чувствую, тема эзков вас волнует. Между прочим, многие считают Кальянова блатным певцом...

— Да нет у меня никакого эзковского мотива! «Таганка-хулиганка»? Подумаешь... Песня совсем не о зоне. Возможно, голос мой, пропитой, виноват?

— Шрамы, отметины с тех

— От родителей вам, видимо, тоже доставалось?

— Когда совсем зарывался. Я несколько раз убежал из дома. Морем интересовался. Но Харьков стал рубиконом. Там милиция непременно снимала с товарняков, и я возвращался домой с позором. Только когда в институт поступал, сестра Нина выдала мне 80 рублей, и я побывал в Анапе. Восемь дней купался, потом сел за учебники и сдал все экзамены на пятерки. Я жутко упорный. Чего захочу, непременно добьюсь.

— У вас хорошая сестра.

14

— Оригинальный метод.
— Наш.

— А как насчет морального удовлетворения?

— За семь заводских лет дорос до инженера 1-й категории с окладом 160 рублей. Считалось приличным, даже для семейного человека.

— Где встретились с суженой?

— В ресторане. Обмывали с приятелем очередные успехи, а тут они с сестрой. Я влюбился с пол-оборота.

— В обеих?

— Можно и так сказать. Но в Александру больше.

— Оба Саши! Кто же загадывал между вами желания?

— Сами. И появился третий в семье Александр — сын. Ему уже 20. Учитесь в Гнесинском по классу саксофона. В студии помогает.

— Но как вы оказались в Москве?

— Режимный завод — тюрьма. Утром зашел и только вечером вышел. Даже если нечего делать, сиди! Это не для меня. К тому же не ладил с начальством, задницу никому не лизал. В то время гремела по стране группа «Шестеро молодых». Меня знали, я их оснащал. Пригласили звукорежиссером. Мигом собрался.

— Началась сказочная жизнь?

— Семья в Брянске, а я по 3—4 месяца гастролировал по стране. Потом были «Красные маки», «Лейся, песня!», «Аракс». Уезжал зимой, в тулупчике, а возвращался в рубашке.

— Жестоко.

— Да нет, просто лето наступало. А я опять оставался без отпуска. Но за все в этой жизни надо платить.

— Библию почитываете?

— Случается. Не скажу, что эта книга мозолит мне глаза. Но она на своей полке и ждет часа. Возникнет духовная потребность — всегда ее отыщу.

Крестный папа

— ...А еще Господь делиться велел.

— Я делюсь. С вами, например, готов поделиться воспоминаниями.

— Обычно в подобных случаях говорят: это самое дорогое, что у меня есть...

— Судите сами. 1978 год, Казань. Сборная программа: «Шестеро молодых» аккомпанируют Высоцкому. За пультом — я. Владимир Семенович дает мне строгое указание: чтобы по монитору он себя — слышал! Нет проблем. Только занял свое место за пультом в зале, как повалил народ с магнитофонами. Умоляют подключить их к нашей аппаратуре.

— Это сложно?

— Ерунда, когда один магнитофон. Набралось же под двадцать. А Владимир Семенович уважал коньячок. «Аист».

— Не вижу связи... с птицей.

— Связь замечательная. Я подсоединил все 20 магнитофонов к пульту. А каждый из фанов принес мне в знак благодарности по бутылке «птичьего» коньяку. После концерта я Высоцкому все рассказал и честно заслуженным подлился.

— Тот ругался, конечно, напиться бросился в унитаз выливать!

— Очень даже обрадовался. Тут же выпили по стаканчику с ним — для пробы. А потом перед каждым концертом В. С. принимал чай с коньяком.

— Пропорцию не запомнили?

— Как сегодня перед глазами: на четверть стакана коньяка, остальное чай. У него горло постоянно болело. Коньяк размягчает связки. Это вообще рабочий напиток певца, и выдавать его должны, как молоко в горячем цехе, бесплатно. Шесть концертов в день, и так — 10 суток.

— Сколько же это в бутылках?

— Что мы, звери? Остальные концерты фанаты записывали безвозмездно. Только к

полуночи мы возвращались в гостиницу. Ног не чуяли. Выпивали и — спать.

— А поговорить?

— Говорили, конечно. О музыке и женщинах.

— И о том, что сами петь собираетесь?

— Тогда я об этом не думал. В. С. сам неожиданно моим голосом заинтересовался, спросил: «Ты случайно не поешь?»

— Конкурента приметил?

— Конкурентов он не боялся. Да и не было их у него никогда. Просто сказал, что у меня «интересный тембр». Ведь я, когда настраивал перед концертом аппаратуру, сам в микрофон говорил.

— Запали в душу слова мэтра?

— Поэтому я и считаю его своим крестным папой. Потрясающий все-таки был мужик! На сцену всегда выходил с немного расстроенной гитарой. Профессионалы думали: может быть, он не слышит, что у него гитара расстроена? На гитаре он шустро шпарил, а вот насчет того, что он знает ноты, многие сомневались. Наш руководитель Дима — царство ему небесное, умер в тюрьме — решил Высоцкому помочь. Перед началом концерта, пока не было В. С., подкрался к «гитарке» — Высоцкий так свой инструмент

восты. Что притягивало. А то представьте себе Высоцкого, который бы суперпрофессионально, по-испански, стал играть на своей «гитарке» да еще бы запел поставленным голосом — кто бы ему поверил?

Ищите женщину!

— Звукорежиссер — профессия благодарная?

— Не очень. Артист воспитан так: свою неудачу всегда стремится скинуть на других. При этом звукорежиссер виновен всегда: не настроил, плохо звучало... Самое важное при публичном избиении палками — сохранить свою гордость. Не позволить сломать в себе человека.

— Как в тюрьме.

— Да везде надо так. Правда, конфликтов тогда не избежать. Не стала исключением и Алла Борисовна Пугачева, в коллектив которой я попал в 1983-м году.

— Часто ругались?

— Я никогда не рассказывал этого случая. Но раз Господь велел делиться... Пугачева сдавала новую программу «Пришла и говорю», в «Олимпийском». Все на ушах! Принимать являлось все руководство «Росконцерта». Море аппаратуры. Все надо отстроить. Я отвечал за зал. За мониторы — то, как артист слышит себя на сцене — другой звукорежиссер. Так бывает в гигантской аудитории. Я сходил с ума наверху, где осветители. Пугачева на сцене пульсировала, словно обнаженный ком нервов... Началась репетиция, и что-то не заладилось с мониторами. Певца поет, но себя плохо слышит. Только это в тот раз было не мое. Вдруг А.Б. останавливает репетицию да на весь зал как крикнет: «Кальян! (В зале тысячи две зрителей, неизвестно как просочились...) Давай скорее сюда. Помогите настроить...» Не секрет, что я прихрамываю.

— Что же вы?

— Наладил звук и стал ждать увольнения. Пугачева вышла, взяла микрофон и, буд-то ничего не произошло, продолжила репетицию. Потом мы десять лет работали вместе. Ни разу не вспоминали о том.

— Вам приходилось выручать Пугачеву на сцене?

— Что значит «выручать»? Это моя работа. Случалось, от бешеных перегрузок у нее не смыкался голос.

— Знаю-знаю, срочно нужен коньяк!

— Но все происходит на сцене. Певца просто не в силах дотягивать какие-то ноты. Тут уж моя роль возрастает. Нужно немедленно реагировать: вулгаризировать такт, чтобы не вылезла хрипотца, громче дать в монитор... Но А.Б. сама непревзойденная мастерица. Владела голосом, как хотела. Могла вы-

Может быть, через Аллу Борисовну Пугачеву подружиться наконец с какой-нибудь внеземной цивилизацией!..

А Крестная мать — ПУГАЧЕВА

йти на сцену вообще без голоса, едва разговаривая за кулисами, и... отбарабанить на бис весь концерт.

— Все ваши фокусы?

— Главный фокус всегда был ее. Моя работа — не пропустить ни единого ее взгляда. Постоянно видеть, как А.Б. держит микрофон: далеко, близко? Чтобы не завелся, не засвистел...

— Кто вам рубашки выжимал после концертов?

— Все сам. Я человек исключительной самостоятельности.

— А после концертов чем занимались? Вы ведь дружили.

— И сейчас дружим. Семьями. Просто теперь видимся реже. Дела. Но Пугачеву я могу обождать на любом расстоянии. Она мне как крестная мать. Женщина далеко не простая. Я бы смело сказал: с элементами колдовства!

— Неужели ведьма?

— Да, видимо, всякое есть. Каждый город встречал Пугачеву неистовым сумасшествием. Все стремились пообщаться, куда-то пригласить. Заводы, корабли, университеты. Ну и начальство местное, которое А.Б. далеко не всегда уважала. Но на компромисс могла и пойти. Как-

то уговорили ее на Дальнем Востоке поучаствовать в грандиозном шоу: возложить венков к памятнику морякам. Я не хотел туда страшно: показуха, толпы людей, суетливые партийные деятели. Но она: «Нет-нет, Кальяша, поехали!» Только мы к памятнику подошли, как погас Вечный огонь. Уж и спички зажженные бросали, нет огня, хоть тресни. Я сразу сказал: «Это нам первое предупреждение свыше». Вечером в цирке был концерт. На первой же песне отрубилось все электричество. Алла, конечно, не растерялась, взяла свечу в руки и пять минут пела одним голосом в гробовой тишине... После концерта я зашел в гримерную, мы абсолютно молча собрали все цветы и поехали на могилу погибших моряков. Огонь снова стал «вечным», пылал. Вокруг ни души: тихо, покойно. Мы положили цветы и вернулись в гостиницу.

— И все — молча.

— Все. Страшно было слово вымолвить. Понимали: был знак. Хорошо, заметили.

— Станиславский сказал бы: «Не верю!»

— А если бы за ним живая «тарелка» гонялась, что бы

тогда сказал Станиславский? Возвращаемся как-то с концерта в машине, вдруг милиционер тормозит нас и говорит: «За вами следует НЛО. Только без паники!» Дал нам бинокль, и мы собственными глазами смогли разглядеть «тарелку». Блестящая конструкция, металл типа нашей ртуты... Зависла буквально над нами! И через мгновение — резко в сторону. Оказалось, что, пока шел концерт Пугачевой, НЛО висел над недалеким озером. «Тарелки» любят пресную воду...

— Еще, видимо, полюбился одной из них концерт Пугачевой?

— Ничего в этом страшного нет. Может, через Аллу Борисовну подружиться наконец с какой-нибудь внеземной цивилизацией!..

— Давно пора. А сами как запели?

— Игорь Николаев написал для меня альбом. Пугачева прослушала и сказала: «Давай, Кальяша, пой дальше!» Но Алла понимала, что я никогда не выйду на сцену своими ногами. И однажды Пугачева в Томске, во время своего концерта, вдруг говорит публике: «Сейчас споет мой друг».

Николаев быстро сел за рояль. Мне ничего не оставалось, как встать из-за пульта, взять микрофон...

— Вашей жене нравится, как вы поете?

— Ей часто нравится то, что мне просто не по нутру. Ее дело. Вообще-то она жена, а не поклонник. Со мной на гастроли не ездит. Я не могу петь со сцены, когда в зале родня. Нервирует.

Алогизм логики

...«Семнадцать мгновений апреля останутся в сердце твоём. Я верю, вокруг нас всегда будет музыка, и деревья будут кружиться в вальсе, и только чайка, подхваченная стремниной, утонет, и ты не сможешь ей помочь», — пела Марика Рокк на прощание Штирлицу.

Через месяц закончится самая страшная в мире война. Через два года родится Александр Иванович Кальянов. Скоро ему пятьдесят. Он поэт.

Ничего подобного не могло случиться, если бы весной 45-го отец Кальяши не дошел до Берлина.

Михаил СЕРДЮКОВ.

Фото автора.